

Т. Н. Смирнова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Займствованиа из близкородственных языков

Смирнова Т. М. Запозичення з близькоспоріднених мов. Стаття містить аналіз теоретичних лінгвістичних проблем при вивченні запозичень у російську мову з близькоспоріднених мов — української та білоруської, зокрема розглядаються запозичені слова, екзотизми — маркери національного буття та лексеми, що вживаються у медійному дискурсі. В статті пропонується програма дослідження мовних контактів споріднених мов.

Ключові слова: *запозичення, екзотизм, дискурсне слово.*

Смирнова Т. Н. Займствованиа из близкородственных языков. Статья содержит анализ теоретических лингвистических проблем при изучении заимствований в русский язык из близкородственных языков — украинского и белорусского, в частности рассматриваются заимствованные слова, экзотизмы — маркеры национального бытия и лексема, функционирующие в медийном дискурсе. В статье предлагается программа исследования языковых контактов родственных языков.

Ключевые слова: *заимствование, экзотизм, дискурсное слово.*

Smirnova T. N. The loan-words from cognate languages. The article analyses theoretical linguistic problems of scientific research the loan-words in the Russian from cognate languages — Ukrainian and Byelorussian: loan-words, exotic-words and discursive words. In the article proposes program of scientific research linguistic contacts of cognate languages.

Keywords: *loan-word, exotic-word, discursive word.*

Культурный обмен между народами, а тем более их длительное историческое взаимодействие неизбежно ведут к лексическим заимствованиям, что — в норме — вполне позитивно оценивается лингвокультурологическим сообществом и, если это не языковая экспансия, закономерно считается фактором обогащения лексикона и показателем развития языка. Проблема лексического заимствования, на первый взгляд, относится к хорошо изученной и теоретически обеспеченной области лингвистической науки. Достаточно указать на работы по истории языка А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, П. Я. Черных, С. И. Ожегова, Н. М. Шанского, Л. А. Булаховского, Л. П. Крысина, Ю. С. Сорокина, Т. А. Бобровой и других. Активизация в русском языке процесса лексического заимствования на рубеже XX–XXI веков, связанная с историческими преобразованиями в государстве, распадом СССР и общей глобализацией жизни, привели к обострению научного интереса к вопросам межкультурного общения и выдвинули новые аспекты их изучения не только в лексикологии, но и в общей теории коммуникации, психолингвистике, когнитивистике, этнокультурологии и пр. (см. работы Е. Ф. Тарасова, И. А. Стернина, И. В. Приваловой, Ю. А. Сорокина, Е. С. Кубряковой, В. В. Колесова, В. М. Лейчик, О. В. Ильиной, М. О. Качаровой, Т. В. Максимовой, О. Е. Ольшанского и многих других).

Однако как в русской лексикологии в целом, так и в отражающей ее лексикографии существуют вопросы, которые, на наш взгляд, в силу разных экстралингвистических причин недостаточно изучены. Среди них — лексическое взаимодействие близкородственных языков, прежде всего восточнославянских: белорусского, русского и украинского. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского зафиксировано состояние общего восточнославянского языкового фонда, отраженного в памятниках письменности до XIV века включительно. Материал XV–XVI вв. изучался спорадически. Н. М. Шанский указывает на недостаточную изученность собственно восточнославянской лексики, т. е. слов, появившихся и функционирующих исключительно в диалектах восточных славян: «Древнерусский слой словарного состава нашего языка как система не только не изучен с семантико-словообразовательной, этимологической, стилистической и других точек зрения, но и не описан (хотя бы предварительно) в сравнении с общеславянским и собственно русским пластами» [1:77]. Исследователи указывают на то, что историческая лексикология фактически не имеет сведений о специфике древней восточнославянской лексики. До XVII века шло формирование наций и их национальных языков. Именно с этого времени начинается история русского литературного языка и национальных языков других восточных славян. При этом нельзя сказать, что процесс формирования разных восточносла-

вянских языков был полностью синхронизирован. Вот что пишет об этом периоде В. В. Виноградов: «Так называемая Юго-западная Русь (под Юго-западной Русью В. В. Виноградов имеет в виду Белоруссию и Украину — Т. С.) становится во второй половине XVII века посредницей между Московской Русью и Западной Европой, и русский литературный язык подвергается сильному влиянию украинского литературного языка (церковно-книжного, светски-делового и художественного)» [2:18]. Украинский литературный язык, по словам В. В. Виноградова, оказывал влияние прежде всего на «витийственные» жанры московской речи, т. е. на язык проповедей, публицистики, полемику, богословско-теоретическую литературу: «...к XVII в. продолжали существовать два основных центра церковнославянской традиции — Москва и Киев, каждый из которых имел свой район влияния. При этом традиция московская несколько отличалась от киевской. В XVII в. киевская традиция церковнославянского языка возобладала над московской. Киев был не только центром охранения церковнославянской традиции, но и тем местом, где церковно-литературный язык восточнославянской редакции впервые стал подвергаться систематической нормализации (ср. составление украинским ученым Мелетием Смотрицким грамматики, напечатанной в 1619 г.). Именно в Киеве раньше всего и наиболее ярко проявлялось расширение сферы применения церковнославянского языка и распространение его на светскую литературу» [2:6–7]. Здесь речь идет еще не о национальных языках, а о литературном церковнославянском, послужившем одной из составляющих собственно русского литературного языка. В Украине уже существовала литературная традиция, причем не только церковнославянская, а и латинская, польская, древнеукраинская. Во вступительной статье к сборнику «Українська поезія XVI століття» Василий Яременко указывает: «Із 80-х років XIV ст. починає інтенсивно поновлюватися літописання, робляться численні списки із уцілілих староруських пам'яток, здійснюються нові переклади із грецької, болгарської й інших літератур, виховуються нові книжники, поновлюється освіта, шириться грамотність як першооснова подальшого культурного розвитку» [3:6]. С XVI века на территории современной Украины активно действуют братские школы, просвещающие народ, а первой половине XVII в. основывается Киево-Могилянский коллегиум. Таким образом, можно констатировать, что в XVII веке восточнославянские языки активно развивались и между ними совершался культурный обмен.

В связи с вышеизложенным, а также, учитывая дальнейшее тесное взаимодействие восточнославянских народов, сосуществовавших в рамках единого государства (Российской империи и СССР), возникает вопрос об изучении их лексического обмена.

Лексические заимствования между восточнославянскими языками изучались только советским языкознанием (как известно, российская

дореволюционная наука вообще отказывала украинскому и белорусскому языкам и соответственно народам в статусе существования). Причем, заимствования из русского языка хорошо изучены и считаются фактором обогащения лексики белорусского и украинского языков, свидетельством их развития в советский период. Русский язык в процессе заимствования рассматривается исключительно как лингвистический донор, обратное влияние лишь декларируется на примере пяти — шести украинских слов (борщ, бублик, гопак, детвора), а белорусское фактически игнорируется (лявониха, бульба), исследуется как вкрапление белорусскоязычных элементов в русских переводах отдельных авторов — классиков белорусской литературы (см. раб. Лаптенко Е. Н., Гируцкого А. А., Шидловского А. А.) или изучается в условиях билингвизма (Маюнь С. В., Боброва Т. А.). В 80-х годах XX в. Т. А. Боброва проблему заимствований из языков народов СССР в русский язык поставила более широко, отметив недостаточную освещенность влияния лексики языков народов СССР на русский язык. Анализируя историю вопроса, исследовательница указывает на то, что серьезно исследованию подвергались тюркизмы, заимствованные языком древнерусского периода, и более поздняя лексика, отраженная в толковых словарях русского языка. «Явная недостаточность изучения лексики национальных языков, проникшей в русский язык после Октября, отразилась в существующих вузовских учебниках по современному русскому языку и в общих работах по лексикологии» [4:80]. Из славянских языков относительно изученным ученые считают старославянское и польское влияние на русский язык. Негосударственный статус двух восточнославянских языков, длительное игнорирование самого факта их существования как полноценных национальных языков с литературной традицией, приравнивание их в истории российской науки к диалектам русского языка не способствовали актуализации научного освещения украинских и белорусских заимствований в русский язык. Цель нашего сообщения — привлечение академического внимания к проблеме заимствования из близкородственных языков на примере анализа того реального пласта украинской лексики, который освоен русским языком, если, конечно, такой пласт существует. При этом интересно выяснить, как заимствованные украинские слова представлены в современных толковых словарях русского языка и словарях иноязычных слов.

Изучение языковых заимствований в близкородственных языках сталкивается с серьезными теоретическими трудностями в связи с существованием пограничных диалектов: в одном языке слово может функционировать в литературном языке, а в другом — быть малоизвестной диалектной лексемой. В этом случае возникает вопрос: оно заимствовано из литературного близкородственного языка или изменило статус в национальном языке? Решение, как показывает лексикографическая практика, принимается про-

извольно. Так, например, Д. Н. Шмелев считает, что слова доярка, коржик, жатка, косовица, стан (полевой стан) дополнили русский лексикон, перейдя из диалектов, другие исследователи (Г. И. Шкляревский) приводят их как украинские заимствования.

Как показывает анализ словарей иноязычной лексики, нет четких критериев и в определении источника заимствования. Какой язык считать источником — тот язык-посредник, из которого слово непосредственно заимствовано, или тот, в котором оно возникло. Словари иноязычной лексики содержат длинные цепи переходов лексем из языка в язык. Вопрос языкового посредничества решается произвольно. Например, слово кобза — украинский народный инструмент — в «Большом словаре иностранных слов» А. Н. Булыко дается как украинское от турецкого *koruz*, а в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина только как турецкое *koruz* и татарское *kobuz*, *kobuz*, при этом толкуется как «старинный украинский щипковый музыкальный инструмент» [5:365]. В МАС кобза и кобзарь соответственно украинский инструмент и украинский певец. В одних словарях указывается, что кылым (ковер), майдан (площадь), тютюн (табак), являясь неукраинскими словами, пришли в русский лексикон именно через посредничество украинского, в других язык-посредник опускается. См. также заимствованные полонизмы через посредничество украинского или белорусского языка маевка, молчком, пан.

Материалом для изучения языковых заимствований должны быть не только словари иноязычной лексики и толковые словари русского языка, но и реально существующие тексты русской литературы, в которых функционируют заимствованные из близкородственных языков слова. Пока эта проблема изучалась лишь эпизодически как вкрапление украинизмов и белорусизмов при переводах, что в основном рассматривается как окказиональная лексика, использование которой стилистически мотивировано. Особый интерес в этом плане вызывает употребление украинских слов в современных русских медиа (майдан, мова, помаранчевый, незалежність, покращення, свідомий, заробитчанин и др.). Проблема украинских и белорусских заимствований в русский язык исследована недостаточно. Специальные работы почти отсутствуют. Среди исследователей следует назвать О. Е. Ольшанского. В основном же украинские заимствования указываются в работах по истории русского литературного языка (В. В. Виноградов, Г. И. Шкляревский) или приводятся в качестве примеров заимствованных слов в учебниках лексики (Д. Н. Шмелев, Н. С. Валгина, Д. Е. Розенталь, М. И. Фомина), т. е. можно констатировать, что украинские заимствования в русском языке практически не исследованы.

Списки заимствованных слов у разных авторов не совпадают. Так, в словаре Л. П. Крысина как украинские указаны слова гайдамак, гопак, гривна, карбованец, куркуль, маляр, брынза, лева-

да, цуцик. У А. Н. Булыко бандура, кобза, кобзарь, гайдамак, гопак, левада. О. Е. Ольшанский исконно украинскими словами в русском языке считает бублик, гопак, горилка, нехай, пампушка, кобзарь, парубок. Г. И. Шкляревский в «Истории русского литературного языка. Советский период» указывает, что слова хлебороб, землероб, пятисотница, житница, стерня, хата-лаборатория, делянка, доярка, комнезем, куркуль, жито, порожняк, косовица, парубок вошли в русский лексикон из украинского. В МАС барвинок, девчата, детвора, бублик, школяр, хлебороб, бондарь, дивчина, парубок и др. указываются как слова русского языка, что свидетельствует об их освоении русским лексиконом.

Приведенные списки свидетельствуют о том, что не различаются заимствования и экзотизмы. К заимствованным словам следует относить хорошо освоенные русской лексической системой слова, которые утратили черты украинскости и уже не ассоциируются с Украиной, такие как бублик, маляр, цуцик, хлебороб, землероб, житница, доярка, порожняк, косовица, борщ, вареник. Эти слова утратили колорит языка-источника.

Украинские экзотизмы — слова, маркирующие украинскую специфику, подчеркивающие украинскость. Их можно разделить на две группы. Первая группа экзотизмов фиксируется словарями и имеет тематическое членение, слова второй группы функционируют исключительно в дискурсах. К последним относятся померанчевый, титушки, майдановцы и др.

Такие слова быстро реагируют на изменения во внеязыковой действительности, имеют прагматическую специфику и обычно долго не «живут» в языке-реципиенте, поэтому не фиксируются словарями. Они существуют только в дискурсивном употреблении. На наш взгляд, некоторые из них могут утрачивать свой национальный колорит и переходить в заимствования: так, например, титушки — концепт, маркирующий уже не только украинский языковой мир.

К экзотизмам первой группы — маркерам украинской национальной действительности относятся названия учреждений, государственных институций (Рада), иерархических единиц и общественных слоев (голова, гетман, сотник, гайдамак), денежных единиц (карбованец, гривна), специфической национальной одежды (вышиванка, сукня, кептарь), еды и напитков (галушка, пампушка, кровянка, горилка), национальных музыкальных инструментов (кобза, бандура), танцев (гопак), строений (курень, колыба) и пр., что ярко обозначает национальность, подчеркивает нерусскость обстановки, создает местный колорит (парубок, дивчина, грубка, чувал).

Следует заметить, что в словаре Л. П. Крысина украинские экзотизмы представлены крайне бедно: бандура — как польское, кобза как турецкое заимствование, нет галушки, парубка, дивчины (хотя достаточно вспомнить тексты Н. В. Гоголя). Белорусские экзотизмы также остались за пределами словаря (бульба, богун).

Если проанализировать списки украинских слов, представленные в разных источниках, то можно прийти к следующим выводам.

Вареник, борщ — безусловно являются не экзотизмами, а настоящими заимствованиями из украинского, эти слова утратили украинский колорит: ср. московский борщ, украинский борщ, польские вареники при невозможности *московская галушка.

Не является украинским слово стерня — оно общеславянское, имеется и в других славянских языках, слово хата известно, по Фасмеру, как заимствование из венгерского и является, по всей видимости, финно-угорским словом *kata* — «дом, яма», поэтому вполне могло быть известно русскому раньше, чем другим восточнославянским языкам.

Косовица — производное от общеславянского коса. Аффиксально оформлено как украинское и, благодаря этому, обозначает определенный период сельскохозяйственных работ. Аналогичного русского слова с таким значением нет, поэтому слово косовица является заимствованием из украинского языка. То же относится и к другим словам, деривационно оформленным как украинские. Так, например, слова с общеславянскими (девчата, барвинок, детвора, житница) и неславянскими (школяр) корнями относятся к заимствованиям из украинского.

Некоторые украинские слова приобрели отрицательные коннотации: бандура — неодобительно — громоздкий и нескладный предмет, вирши — иронично — плохие стихи. Следует отметить, что слово вирши, которое у Л. П. Крысина трактуется как польское заимствование и толкуется как «старинные русские и украинские силлабические стихи», является заимствованием из украинского. По свидетельству В. В. Виноградова, русский язык до XVII века и экспансии украинской литературной традиции в русскую культуру не знал никаких стихотворных форм.

Таким образом, привлекая внимание к заимствованиям из близкородственных языков, мы хотели показать, что изучение этой тематики сталкивается с целым рядом проблем как в теоретическом осмыслении явления заимствования, так и социолингвистических условиях этого процесса и поэтому заслуживает дальнейшего исследования. Необходимо выработать объективные критерии, по которым слово может быть определено как заимствованное, выделить заимствования от экзотизмов и дискурсных образований, разграничить этимологию и заимствования, решить проблему пограничных диалектных слов, определить списки украинских и белорусских заимствований, при изучении языковых контактов и влияний одного языка на другой учитывать их социолингвистические характеристики. Следует пересмотреть вопрос о старославянских и польских заимствованиях в русский язык, изучить белорусские заимствования в русский язык и результаты украинско-белорусских языковых контактов. Необходимо произвести периодизацию заимствований, посмотреть, что заимствовано в семнадцатом веке, что в дореволюционный период, что в советский период, связав периодизацию со статусом языков и другими социолингвистическими характеристиками — языковой политикой государства, например. Дальнейшего исследования требуют дискурсные слова, интересно сравнить их появление и коннотации в русском языке русскоязычных граждан Украины и в российских медиа.

Наконец, в связи с активизацией переводческой деятельности, выходом книг современных украинских писателей О. Забужко, С. Жадана, Ю. Андруховича, И. Роздобудько и других в России следует проследить, как решается проблема перевода украинского слова на русский язык.

Литература

1. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. / Шанский Н. М. — М., 1964.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. / В. В. Виноградов. — М. : Учпедгиз, 1938.
3. Яременко В. Українська поезія XVI століття //Українська поезія XVI століття. — К. : Радянський письменник, 1987.
4. Боброва Т. А. Об изучении заимствований из языков народов СССР в русский язык. // Русский язык в школе. — 1982 — № 4. — С. 79—82.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М. : Эксмо, 2007.